

БОЛГАРСКИЙ ПАТРИАРХ ЕВФИМИЙ ТЫРНОВСКИЙ
/1375-1393/ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕФОРМА

Иван Харалампиев

Вторая половина XIV века - трудное время для средневековой болгарской державы. Страна разделена на большие и малые феодальные владения, владельцы которых стремятся утвердить свою независимость, поэтому отношения между ними часто обостряются. Положение болгарского народа становится все тяжелее, увеличивается дань, растет недовольство. Появляются различные еретические учения, которые еще больше ослабляют царскую власть. На Балканском полуострове появляются турки, нашествие которых представляло опасность не только для Болгарии. Отношения между сербской и болгарской державами обострены, и это находит свое выражение в открытой войне между ними в 1330 г. В битве у Велбыжда /ныне г. Кюстендил/ погибает болгарский царь. Это облегчает турецкие завоевания. Попытка балканских народов остановить вторжение турок на полуостров в окрестностях Одрина в 1371 г. заканчивается безуспешно.

В этих условиях официальная церковь, защитница царской власти и существующего строя, была призвана сделать попытку внутреннего укрепления болгарской державы, духовного объединения болгарского народа. Центральная власть нуждалась в теоретическом обосновании и возвеличении; это послужило толчком, правда, на краткое время, для сильного развития литературы и искусства, широкого общекультурного переустройства. Это переустройство связано с именем Евфимия Тырновского - духовного лица, сторонника появившегося в XIV веке религиозно-философского учения исихазма, талантливого книжника и писателя. В 1371 г. после семилетнего пребывания в Царьграде и на Святой горе, Евфимий возвращается в Болгарию и учреждает книжную школу в монастыре Святой Троицы около Тырнова. В этом монастыре Евфимий, вместе со своими учениками занимается очень значительным делом -

редактированием существующих богослужебных текстов, сверяя их с греческими оригиналами, чтобы установить языковое и правописное единство, создать образцы житийной и панегирической литературы, в которой содержится "плетение словес". Реформа Евфимия Тырновского приобретает широкую популярность, а после его избрания тырновским патриархом в 1375 г., она превращается и в официальную государственную культурную политику, щедро поддержанную болгарским царем Иваном-Шишманом /1371-1393/. Дело Евфимия Тырновского и его учеников оказывает большое влияние, задав тон литературной деятельности на несколько веков вперед не только в Болгарии, но и в Румынии, Сербии, на Руси. До нас дошли 16 произведений Евфимия - оригинальных и переводных, которые были изданы еще в начале нашего века Е. Калужняцким¹.

Здесь нет возможности подробно характеризовать различные аспекты евфимиевой реформы. Мы остановимся лишь на ее языковом аспекте, который долгое время выпадал из поля внимания ученых или же описывался неправильно.

Каждая реформа имеет свои основные принципы, это относится и к ее отдельным аспектам. До недавнего времени выделялись два основных принципа евфимиевой языковой реформы: а/ сознательное стремление приблизить правописание и язык к кирилло-мефодиевским образцам и б/ самое точное, насколько это возможно, следование особенностям греческого письма и греческого языка². Это послужило причиной поспешной оценки реформы как консервативной, и утверждения, что она препятствовала развитию средневекового болгарского книжного языка.³ За последние 10-15 лет в этом вопросе произошли коренные изменения, особенно после трех международных симпозиумов по проблемам Тырновской книж-

¹ Е. Kałużniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius /1375-1393/. Wien, 1901.

² См. П. Динеков. Стара българска литература. ч. II. София, 1953, стр. 56-57; см. у этого же автора о Евфимии Тырновском. История на българската литература. т. I. София, 1963, стр. 290-291.

³ Б. Цонев. История на българский язык, т. II. София, 1934, стр. 268.

ной школы. Изучены были важные черты языка Евфимия Тырновского и его учеников и последователей. Основные вопросы - теоретические и методологические - были поставлены Д. Ивановой-Мирчевой⁴. После этого реформа стала оцениваться другим образом, и вскоре подверглись переоценке указанных выше два основных принципа⁵. Первый принцип был уточнен. Изучение истории болгарского книжного языка средневековья, как и исследования языка тырновских книжников доказали, что реформаторы свободно использовали языковое наследие староболгарской эпохи и не стремились к возрождению языковых норм Охридской книжной школы, которая считалась продолжателем кирилло-мефодиевского дела на болгарских землях. Как пишет Д. Иванова-Мирчева, язык тырновских книжников, и вообще книжный язык позднего болгарского средневековья, в сущности, является языком двух староболгарских книжных центров /Преславль и Охрид/, является развитой и богатой, доведенной до совершенства формы классического книжного языка. Сформулирован был и третий основной принцип - учет того этапа, которого достигло развитие староболгарского книжного языка в среднеболгарскую эпоху /до конца XIV в./ и учет тех новых черт, которые получили широкое распространение в среднеболгарских письменных памятниках⁷. Третий принцип является особенно важным для правильной оценки языково-реформаторской деятельности Евфимия и книжников его школы. Он показывает, какую огромную предварительную работу выполнили реформаторы, чтобы были устранены случайные, несистемные, языковые изменения, в результате прежде всего работы недостаточно хорошо подготовленных переписчиков. Естественно, предстоит еще

⁴ Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Търновски, писател-творец на литературния български език от късното средновековие. В сб.: Търновска книжовна школа. София, 1974, стр. 197-210.

⁵ См. И. Харалампиев. За основните принципи на езиково-правописната реформа на патриарх Евтимий Търновски. Български език, 1979/1, стр. 22-30.

⁶ Д. Иванова-Мирчева. К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX- до XIV века. Старобългаристика, 1977/1, стр. 40.

⁷ И. Харалампиев. Ук. соч., стр. 24-25.

большая работа по окончательной характеристике евфимиевой языковой реформы. Эта работа связана прежде всего с детальным изучением языка тырновских книжников, ибо лишь в нем можно увидеть в отраженном виде принципы реформы, которые, к сожалению, Евфимий Тырновский не изложил в специальном грамматическом руководстве. Мы покажем отдельные важные проявления этой реформы на основе языкового материала из произведений Евфимия Тырновского и его самого талантливого ученика Григория Цамблака⁸.

I. Состояние системы склонения имен существительных ярче всего показывает отношение тырновских реформаторов к аналитическим процессам живого болгарского языка, которые полностью побеждают в конце XIV в.⁹ Реформированный книжный язык со второй половины XIV века является вполне синтетическим, без следов распада и именного склонения. Но все-таки он существенно отличается в этом отношении от классического староболгарского книжного языка. Тырновские книжники в процессе реформы принимают к узакониванию ряд явлений: взаимное влияние между отдельными типами склонения, появление новых или обобщенных окончаний, которые в большинстве своем характерны для болгарского книжного языка среднеболгарской эпохи /XII, XIII, XIV вв./. В языке тырновских книжников отсутствует свойственная большинству среднеболгарских письменных памятников непоследовательность в замене одного нового явления другим, здесь же заметно соблюдение определенных правил. Совершенно устранена разница между склонениями на -о и -ѹ, которое знакомо еще староболгарским письмен-

⁸ Использовано указанное выше издание евфимиевых произведений, выполненное Е. Калужняцким /Е/. Номера страниц, стоящих после примеров, соответствуют этому изданию. Материал языка Цамблака взят из следующих произведений: Похвално слово за Евтимий /ПСЕ/ - см. П. Русев, И. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971; Мъчение на Йоан Нови /МЙН/ - см. П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература. София, 1966; Житие на Стефан Дечански /ЖСД/ - по списку XV в., который находится в произведении "Рилски ланигерик на Владислав Граматик" /1479 г./; Похвално слово за Киприян /ПСК/ - см. Б. Ст. Ангелов. Из старата българска руска и сръбска литература. Кн. I, София 1958, стр. 180-189.

⁹ См. К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. 3-е издание, София, 1978, стр. 63.

ным памятникам. В дат. п. ед. ч. названия лиц этих двух склонений встречаются с окончаниями -оу и -ови, употребление которых подчиняется определенным правилам. Окончание -ови встречается лишь тогда, когда имя существительное не связано с предлогом, не имеет в предложении своих согласованных определений и не входит в состав конструкции *dativus absolutus*, например: а нако да безъ забавленїа божїа богови дати възможеть Е8; сынови въса навлєнна оустрои Е 130, и свършена мѣста, грады, веси, народы приводѣше Х/ристо/ви ПСЕ 66.2.; бѣи блгодаренїа възсилааше ЖСД 7006; любезные къ богоу възсилаахъ слѣжбы Е 140; богоу тѣхъ подвиговъ ради оутвърженїа въры Е 121; Петроу поревновавъ, апостольскомъ врѣхоу ПСЕ 5.1.

В род. п. мн. ч. существительные мужского рода с основой на -о /односложные/ обычно получают окончание -овъ, под влиянием основы на -ѣ: доуховъ, друговъ, родовъ, градовъ и др. Однако тырновские книжники не восприняли употребление расширения суффикса -ов у существительных с основой на -о. И это не является необычным, так как в средневековых памятниках такие формы начинают встречаться после XII в. /начало этого процесса относится к старославянской эпохе/, но примеры немногочисленны, об известном же усилении процесса можно говорить после XIII в.¹⁰ Следовательно, это явление не было типичным, не было тенденцией развития в среднеболгарском книжном языке, и поэтому реформаторы не восприняли его. Подобные причины, очевидно, лежат и в основе принятия или отвержения различных новых окончаний, которые встречаются в сохранившихся среднеболгарских письменных памятниках. Так например, полностью воспринято новое окончание местн. п. мн. ч. -охъ /догматѣхъ Е 53, 89, 183, 227, градѣхъ ПСЕ 64.5, ЖСД 7056, нѣдрѣхъ Е 20, правилѣхъ Е 240, 245/, но не встречается окончание -ми твор. п. мн. ч., которое

¹⁰ См. Ив. Дуриданов. Към проблемата за развоя на българския език от синтетизъм към аналитизъм. Годишник на СУ, Филологически факултет. т. LI, 3, София, 1955, стр. 137.

является редким и для староболгарских и для среднеболгарских письменных памятников¹¹.

У имен существительных склонения на -jo окончание -ми характерно лишь для существительных среднего рода на -ьге: привидѣни Е 15, посажденни Е 42, писан'ми ЖСД 7106, и др. Во мн. ч. /им. и род. п./ имена мужского рода этого же типа склонения встречаются лишь с новыми, воспринятыми от склонения на -i окончаниями -ие /-е/ и -еи /-ии/. Исключений не было отмечено.

Количество примеров можно умножить, но и приведенные здесь показывают, как критически относились тырновские реформаторы к многочисленным изменениям в именном склонении, характерным для средневекового болгарского книжного языка. Сохраняя синтетический облик этого языка, реформаторы приняли во внимание и изменения в норме, которые произошли на несколько веков позже IX-X столетий. В этом отношении Евфимий и его помощники не могут быть обвинены в консерватизме, в торможении развития книжного языка, который и в самых "народных" по языку памятниках до XIV в. /о народных по языку письменных памятниках можно говорить лишь относительно/ остается синтетическим по структуре, независимо от более слабого и сильного влияния живого, народного болгарского языка того времени.

II. Отражение указанных в начале основных принципов евфимиевой языковой реформы можно видеть в употреблении форм имен прилагательных в языке "исправленного" книжного языка. Распределение по употреблению между полными и краткими формами /это относится и к причастиям/ следует точно состоянию, известному нам по древнейшим памятникам¹², процесса вытеснения полных форм краткими, характерный для развития живого болгарского языка и слабо отраженный в письменных памятниках среднеболгарской эпохи, здесь не засвидетельствован.

¹¹ См. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 112. Ср. и Ив. Дуриданов. Към проблемата за разво... стр. 133.

¹² См. Н. Толстой. Значение полных и кратких форм прилагательных в старославянском языке. Вопросы славянского языкознания, вып. 2, М., 1957, стр. 43-122.

Чаще всего /потому что все условия исключительно многообразны/ краткие формы употребляются в тех случаях, когда имена прилагательные выполняют функцию сказуемого определения, когда не нужно подчеркивать признак или он является новым в сообщении: нако да позорна тогова бѣдет сѣмрѣ/ть ПСЕ 58.2; нагѣ посрѣдѣ стоаше МЙН 11.2; и изыде въсь здравъ, радостѣн' же и доушею и тѣломъ Е 112, велико и неизлѣдованно дрѣзновениѣ имѣа Е 26; слѣзы изливаеть ѿ радости довѣлны МЙН 33.2.

В полной форме встречаются имена прилагательные, когда они субстантивированы или же употребляются как определения: и бѣ питаа сѣ тѣмъ, тѣлеснѣа немощь мало оутѣшаа и хтробнѣа скѣдость испльнѣа Е 13; Да не бѣдет ми ѿтврѣщи сѣ тебе Х/рист/е сѣ безначалным ти ѿ/т/цемъ и прѣс/ва/тымъ д/оу/хомъ МЙН 10.1; Бл/а/женому же одан а възложше ПСЕ 59.5; Тебѣ окръстныѣ все дары на поклоненіѣ приносеть Е 74.

Интересно было отношение реформаторов к переустройству полных форм имен прилагательных /или причастий/, начатому еще в староболгарскую эпоху под влиянием местоименного склонения¹³. Новые окончания были восприняты лишь в ед. ч., и то не во всех падежах. В род. п. ед. ч., например, старые окончания полных форм остаются неизменными - /а/аго, -ѣа. В дат. и местн. п. ед. ч. женского рода новое окончание -ои употребляется параллельно со старым -ѣи, таким образом, здесь мы не можем извлечь определенной закономерности. Однако регулярно употребляются полные формы мужского рода в дат. п. ед. ч. с окончанием -оу, вместо старого -оуоу. Этот факт, очевидно, связан с тем обстоятельством, что окончание -оу часто встречалось в староболгарских, и особенно часто в среднеболгарских письменных памятниках. Массовое употребление полных форм с таким окончанием в XIV в. показывается в работе К. Мирчева¹⁴.

¹³ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език, стр. 177.

¹⁴ Там же.

Как уже говорилось, в языке тырновских книжников не встречается окончание -ого для род.п. ед. ч. Это окончание является очень редким для средневекового болгарского книжного языка. Из староболгарских памятников А. Вайан показывает одну форму /живого/ в Саввиной книге¹⁵, а из более поздних произведений приводятся как примеры одна форма из Виргинской грамоты Константина -Асена и семь из Троянской повести¹⁶. Возможно, что это не все случаи употребления окончания -ого в полных формах имен прилагательных в памятниках, но, очевидно, что это окончание было нетипичным, редким для средневекового болгарского книжного языка, и, естественно, оно не было утверждено новой нормой в конце XIV в.

Новые степени сравнения имен прилагательных /с частицами по и най/ как яркий показатель аналитического развития болгарского языка не нашли себе места в языке тырновских реформаторов. Утвердилось же как нормативная среднеболгарская особенность форм степени сравнения распространение суффикса -ѣиш- на им.п. ед. ч. форм мужского и среднего родов под влиянием косвенных падежей¹⁷. Эта новая черта проведена последовательно, например, царскаа же скупѣла тогда оуправѣлаше добръ же и краснѣ благочѣстивѣиши и славнѣиши царь Калотѣаннъ Е 95; нѣ бесмрѣ/тѣе всѣкоѣ сладости сладчайше Е 27; и тоговых похвалѣ свѣдѣ/тель бѣдет и проповѣдникъ велегласнѣиши ПСЕ 17.2; еже есѣть/ ц/а/рских скровищѣ богатѣише ПСЕ 27.3.

III. Хотя и косвенно, появление определительного члена в живом болгарском языке также нашло себе отражение в реформаторской деятельности Евфимия. Такая ярко народная языковая черта, естественно, не могла быть допустима в книжном языке но надо было узаконить определенные синтетические средства для выражения определенности. И именно здесь язык тырновских реформаторов отличается от языка всей предшествующей литературы: закреплено постпозитивное употребление указательных местоимений с определительной функцией. В отношении языка

¹⁵ А. Вайан. Ук. соч., стр. 183.

¹⁶ Ив. Дуриданов. Към проблемата за развоя на българския език от синтетизъм към аналитизъм, стр. 144.

¹⁷ К. Мирчев. Ук. соч., стр. 179.

Евфимия Тырновского это было отмечено Д. Ивановой-Мирчевой¹⁸. В сущности, вместе с указательными местоимениями используется и известное еще в староболгарских письменных памятниках и классифицируемое как калька с греческого предстоящего члена употребление местоимения иже в препозиции. Два средства для выражения определенности дифференцированы в своем употреблении. Как и в староболгарском, в языке тырновских книжников иже всегда стоит при именной группе, определяет одно более подробно и детально характеризованное, более сложное явление, предмет, лицо и пр. Иже связывается непосредственно с одним из слов в именном сочетании - обыкновенно с именем существительным или же с субстантивированным прилагательным и причастием, которые представляют собой центр сочетания, например, Иже къ добродѣтели ведѣй пѣть добръ наставляти обыче боголюбезных' доушѣ Е 78; Не «тлагай, архіепископе, нѣ положи свѣтильникъ на свѣщницѣ; Иларіѡна глагола, иже общежитѣ наставника, поемъ, Могленѣмъ того положи пастырѣ Е 31; не бѣ мѡи сѣтъ глагол/ы еже о «тврѣжени Х/рист/а моего МІН 6.1; прѣвѣскоде иже въ обитѣли многѣмъ врѣменемъ прѣстроужденные моу-же ЖСД 703а.

С помощью постпозитивного употребления указательного местоимения с определительной функцией определяется предварительно введенный в текст или хорошо известный отдельный предмет, объект или лицо, указание на которые в тексте является ненужным. При этом когда определение находится в именной группе, указательное местоимение стоит после первого имени в группе: Нѣ и сами ти кошеве седмѣ, въ них'же хлѣби лежаше, и праведнаго Нѡѡа, с неюже страшный онѣ корабль оудѣла, секира, иже въси ти лежать въ самѡмъ томѣ стлѣпѣ, иж'же своею роукою великий Константинъ положи и запечатлѣ Е 117; Влачаахъ оубо еѣ, хотѣще посрамити, и съпротивное бываше. Свѣтлѣши мѣченица ѿ

¹⁸ Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец..., стр.203.

стѣда оного бѣвааше Е 155; Д/ь/неви же свитаѣшоу и чюднѣи
ѡни мѣхѣ невидими бѣша и свѣтѡве ѡни подобно МЯН 28.4;
Тогда великое сѣе свѣтило видѣхом', братие, и сѣднѣна оны
рѡцѣ нашей косиѣща с/л/ главѣ ПСК У.

Примеров второго типа очень много. Они характерны для языка и других тырновских книжников. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с типичной для школы языковой особенностью, которая не может связываться ни с состоянием древнейших письменных памятников /тем более с изобилием примеров/, ни с влиянием греческих образцов. Это поднимает более общий вопрос об отношении к примерам постпозитивного употребления указательных местоимений с определительной функцией в средневековой болгарской литературе. Такие примеры обыкновенно называются "членными формами", особенно же, когда члененное имя передают с греческого оригинала. В сущности, это только средства выражения определенности, а не формы, и они косвенно отражают появившуюся в живом болгарском языке членную форму. Речевое сознание нуждалось в специальных средствах для выражения определенности, и как часть этих средств были восприняты и утверждены те сочетания, имена с постпозитивным указательным местоимением, которые в староболгарских памятниках действительно отражают этап возникновения вполне установившейся в среднеболгарскую эпоху членной формы в живом языке.¹⁹

IV. Заслуживает внимания одна особенность причастий, которая впервые была отмечена в языке Григория Цамблака Иванов Гылыбовым²⁰. Речь идет о формах действительного причастия прошедшего времени /I/, образованных от глаголов IV-ого староболгарского спряжения /-и-/ на -ити. Как известно, в староболгарском эти причастия образовывались с помощью суффикса -ъш-, с которым образовывались действительные причастия про-

¹⁹ См. К. Мирчев. Ук. соч., стр. 202.

²⁰ Ив. Гъльбов. Цамблаковото слово за Евтимий и българският книжовен език в края на ХІУ век. В кн.: П. Русев, Ив. Гылыбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971, стр. 55-90.

шедшего времени и от глаголов остальных спряжений, но перед гласным суффиксом причастия конечный *i в основе еще в праславянском изменился в *i > *j, конечный согласный в корне смягчился, и это привело к замене суффиксального гласного [ъ] в [ь]. В им. п. ед. ч. мужского рода в форме указанных причастий оканчивались на -ъ: оставл' -ъ /от оставити/, сътво-р' -ъ /от сътворити/, хожд' -ъ /от ходити/ и др. Еще в староболгарскую эпоху, но очень редко, под влиянием причастий, образованных от глаголов с основой на гласный, и причастия от глаголов на -ити- также начинают образовываться с помощью суффикса -въш-: оставивъ /оставивъши/, сътворивъ/сътворивъши, ходивъ/ходивъши.

Независимо от очень слабого распространения измененных причастных форм в староболгарских письменных памятниках /большинство таких форм встречается в Супральной рукописи/, тырновские реформаторы восприняли их и утвердили как равнозначный вариант более старых форм на -ъ/-ъши, более того, формы на -въ/въши стали обычными в языке староболгарской литературы. Таким образом, здесь можно видеть одновременную реализацию двух основных принципов языковой реформы /I и III/. И Евфимий Тырновский, и Григорий Цамблак пользуются двумя формами указанных причастий, причем нельзя заметить предпочтение одной из двух форм /см. статистические данные, которые приводит Ив. Гылыбов в указанном выше сочинении/.

у. Реформа нашла отражение и в глагольной системе. 5 староболгарских спряжений сохраняются неизменными, но в 1 л. мн.ч. у атематических глаголов оставлено старое окончание -мъ, и полностью воспринято окончание -мы: есмы, дамы, вѣмы. Это окончание, как известно, появилось еще в староболгарскую эпоху, а в конце периода может встретиться и у глаголов остальных спряжений.²¹ Однако реформа ограничила его употребление только у атематических глаголов, с целью разграничения

²¹ См. К. Мирчев. Ук. соч., стр. 210-211.

формы 1. л. ед. и мн. ч., так как написание стоящих в конце слова еров было необязательным, хотя и подчинялось определенным правилам.

Значительное упрощение можно видеть и в системе форм аориста. В истории болгарского книжного языка средневековья - это процесс, который начинается еще в староболгарскую эпоху²². Тырновские реформаторы используют лишь 2 вида аориста /-х - и -ох-/, образованные соответствующим образом от глаголов с инфинитивной основой на гласный и на согласный. Эта черта реформы проводится последовательно.

Тырновские книжники допустили и употребление стяженных имперфектных форм вместе с нестяженными, поэтому трудно извлечь точно определенные закономерности. Очевидно, стяжение является делом не поздних переписчиков, так как такие формы регулярно встречаются, например, в древнейших списках /с конца XIV в./евфимиевых житий. С другой стороны, производит впечатление регулярное стяжение имперфектных форм глаголов как бы-ти, хѣѣти, мѣѣти, тешти, зѣѣти, веселити сѣ, жити, гра-сти, молити сѣ, ѣѣ и от них производных, сто-ати, ѡпити, имѣ-ти и др. в языке двух тырновских писателей.

VI. История инфинитива и супина в болгарском языке изучается с давних пор²³. Раньше всего, еще в староболгарском начинает преобладать супин, а на его месте появляются инфинитивные формы. Дальнейшая постепенная замена инфинитива конструкцией с да представляет собой одно из проявлений аналитической тенденции. Тырновские книжники, естественно, не допустили в язык своих произведений конструкции с да, но совсем оставили супинную форму, которая продолжает встречаться, хо-

²² К. Мирчев. Ук. соч., стр. 212-213.

²³ См., например: Й. Илиев. Изчезване на инфинитив и остатъци от него. Известия на Семинара по славянска филология. IV. 1921, стр. 121-148; Л. Милетич. Към историята на инфинитив в българския език. Македонски преглед, год. IX, 1935/3-4, стр. 59-75; Към историята на инфинитивната форма в българския език. Годишник на СУ, Историко-филологически факултет, XXXIII, София, 1937, стр. 1-34.

тя и очень редко, и в некоторых среднеболгарских памятниках /например, в Добромировом евангелии/. Недопустимы для них и сокращенные инфинитивные формы.

vII. Отсутствие надежных сведений в данный момент, по которым можно было бы выяснить, какие греческие образцы и каким образом оказывали влияние на язык тырновских реформаторов, не позволяет нам сделать категорические выводы. Это можно будет сделать после того, как будет завершена огромная работа по изданию литературного наследия писателей Тырновской школы. Здесь наметим лишь одну синтаксическую особенность реформированного языка, которая вызовет интерес и еще раз указывает не только на многоплановость, но и на специфические черты языковой реформы. Речь идет о причастной конструкции *dativus absolutus*, история которой все еще не исследована. П. Ильчев²⁴ указал на основные характерные черты этой конструкции в староболгарском, хотя и на ограниченном материале /использован был лишь материал евангельских текстов/. Сравнительный анализ показывает, что употребление конструкции *dativus absolutus* в языке тырновских книжников является более разнообразным, чем это было в староболгарском вообще. Речь идет не только о том, что ее использование здесь значительно закреплено - факт, который отмечен уже не раз. В указанном своем исследовании П. Ильчев отмечает следующие устойчивые черты староболгарской синтагмы "дательный самостоятельный":

а/ синтагма "дательный самостоятельный" имеет вид $PcJS$ /или $cjPS$ /, где P - предикат, S - субъект, cj - связка;

б/ почти всегда в староболгарском конструкция сопровождается каким-нибудь союзом;

в/ есть две основные тенденции развития конструкции: стремление к структурной стабилизации и склонность к превращению из двучленной в одночленную.

²⁴ П. Ильчев. За спецификата на старобългарския *dativus absolutus*. Български език, 1963/3, стр. 211-233.

Кроме того, известно, что субъект классической конструкции *dativus absolutus* не должен совпадать с подлежащим или дополнением предложения, в котором находится.²⁵ Как правило, конструкция предшествует той части, с которой связывается по смыслу.²⁶

Не вдаваясь в подробности, отметим, что упомянутые особенности староболгарской конструкции *dativus absolutus* появляются в языке тырновских книжников в существенно измененном виде. Наши выводы покоятся на полной эксцерпции и статистических данных, чтобы были извлечены закономерности.

Прежде всего синтагма "дательный самостоятельный" в языке Евфимия Тырновского и Григория Цамблака имеет точно обратный вид: субъект, как правило, предшествует предикату: Врѣмени же не малоу прѣшедшоу, мноѡжество много Агарѣнь Морех дошедше, и тѣ самый Поливотѣ съ црѣ/къ/и раздрюшати ѡкоушахѣ сѣ Е 196; сего ради, мноѡжеству съшьдшоу сѣ зде мноѡгоу, и самѣ, накоже единѣ ѡт вась, прѣидохѣ Е 125; Таже зноу наставшѣ ѡт слѣ/н/ѣ/чнаго вара и хладѣ великоу потрѣбнѣ сѣщоу на ѣв/аг/г/е/льскихъ горѣ высоту сѣе възводѣше ПСЕ 38.5; Сѣа мѣ/ч/е/н/и/коу дръзновленнымъ словомъ гл/аголѣшѣ и лица ѡбрадованіемъ, лице чѣсто измѣнѣаше мѣ/ч/и/т/е/ль мѣн 11.1.

Связка не является обязательной, как это видно по двум из приведенных выше примеров.

Часто нарушается требование, чтобы субъект конструкции не появился как подлежащее и дополнение предложения, в котором находится: Въ сихъ оубо томоу сѣщоу, оумысли съвѣтъ благѣ Е 8; Пастыремъ оубо въ слѣдъ женѣшемъ и тыѣ оуставити невъзмѣгшемъ, прихѡдѣти и ти, идеже ѡвцѣ сташѣ Е 13; Таже иже въ правдѣ вещи сѣдѣшомоу ниже сѣе въсѣко мало въ блѣ/а/гохваленіе възмнит сѣ ПСЕ 25.2.

²⁵ Там же, стр. 14.

Субъект конструкции может быть и объектом предложения: Въ сѣх и сѣцевѣхъ той оупразнаючи се и пекоущи се никакоже прѣста лоукавѣиъ той искоушае мечтаними же и привидѣними Е 64.

Допускается пропуск одного из двух членов конструкции - имени или причастия. Место конструкции в предложении не является постоянным. Конструкция может стоять в начале, середине или конце предложения, например:

а/ в начале предложения: Симъ оубо сѣце съдѣаномъ, Рим'скомоу градоу дарова прѣв'ства Е 111; И семоу бывшоу, влачимъ въ с/мъ/тѣи по всемоу градоу МНН 25.2;

б/ в середине предложения: И мнози съ отрѣже къ погыбѣли, елико въ мужехъ и елико въ женахъ, нѣ и сѣтѣ иже въ цр҃с-кихъ и самими скопцемъ цр҃ви слоужещими, смъртоноснаго своего ереси гада прѣидоусть ЖСД 12.7;

в/ в конце предложения: И по что оубо едина съдѣиши зде и не стѣбгаеши т сѣдоу, никому же тебе зряшоу зде? Е 176.

Очень часто конструкция сопровождается наречием, с помощью которого уточняется ее значение - темпорально или причинно, если это не ясно из контекста. В общем, тырновские книжники очень свободно и творчески пользовались возможностями конструкции "дательный самостоятельный", чаще всего чтобы выразить более синтезированно односложную мысль и чтобы придать особую приподнятость своему стилю.

vIII. Отражение языковой реформы в лексике болгарского книжного языка с периода позднего средневековья также очень интересно, но здесь нужны более углубленные исследования. Независимо от желания архаизировать свой язык, реформаторы были не в состоянии остановить проникновение бытовой лексики, собственно народных слов и значений, или из-за желания сделать понятными свои произведения, или из-за того, что сама проблематика и жанровая специфика давали им такую возможность. Приведем один пример из евфимиевого "Жития Филофея": Аще ли же и породичи, безмѣрна тебе обымѣт попеченѣа и трѣды, гла-

гола же: дженѣа, повиванѣа, кѣпанѣа, питанѣа, работы безчислыны... Аще ли же и немудро слѣчит сѧ рожденое оно, сѣгѣба прибѣдетъ тебѣ печаль, надъ всѣми же сими наже о прикии полеченѣа Е 83.

Среди подчеркнутых в отрывке слов особенно бросается в глаза своим ярким народным характером слово прикиа, известное ряду современных болгарских говоров как прикиа 'то, что родители дарят девушке, когда она выходит замуж'. Й. Русек²⁷ отмечает, например, что Евфимий воспринял и некоторые другие новые слова, свойственные живому языку XIV века: хилиа-да /ст.-б. ты сѣшта/ты сѣшта/, седмица 'семь дней, неделя'; недѣла употребляется в значении 'последний день недели'.

Подобные примеры отметил в языке Григория Цамблака Ив. Гыльбов, а очень интересный материал привели на Третьем Симпозиуме "Тырновская книжная школа" Б. Велчева и А. Даскалова. Согласно Ив. Гыльбову, подобные примеры являются "интересным показателем трудностей, от которых надо было защищаться обычному и отчужденному характеру книжного языка при непрестанном воздействии повседневной речи".²⁸

Приведенный здесь материал совсем не является исчерпывающим, и цель нашей работы не в этом. Мы постарались лишь проиллюстрировать нашу точку зрения на характер средневековой евфимиевой языковой формы. Постановка вопроса не является окончательной, она лишь отражает нынешнее состояние изучения данного вопроса, окончательное же его решение еще впереди.

²⁷ Й. Русек. Промени в лексиката на българския език и отношението на патриарх Евтимий към тях. В сб.: Търновска книжона школа. София, 1974, стр. 179-196.

²⁸ Ив. Гъльбов. Цамблаковото слово за Евтимий..., стр. 89.